

В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Историческое прогнозирование в XXI веке: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014, 455 с.

Рассматриваемая книга – не первое исследование авторов, посвященное теоретическим и практическим аспектам прогнозирования социума – как национального, так и глобального.²⁹² И с каждым разом они углубляют свои подходы, уточняют прежние положения, выдвигают новые идеи. Все это утверждает В.И. Пантина и В.В. Лапкина в качестве ведущих экспертов в данной области.

Обратим внимание на само название монографии – «историческое прогнозирование». Неискушенному читателю этот термин может показаться странным: ведь история – это о прошлом, а прогнозирование – о будущем. В.И. Пантин и В.В. Лапкин убедительно связывают одно с другим. «Историческое

²⁹² См. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы. Дубна: Феникс+, 2006; В.И. Пантин. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века. Основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс+, 2009 и др.

прогнозирование» опирается на выявление таких существенных трендов общественной эволюции, которые действовали вчера, действуют сегодня и скорее всего будут действовать в дальнейшем (с. 141). Иначе говоря, познание прошлого – ключ к познанию будущего, поскольку последующее рождается из предшествующего.

Авторы используют достижения своих предшественников. Они учитывают различные виды циклов – экономические (3-4 летние циклы Китчина, 7-11 летние циклы Жугляра, 20-30 летние циклы Кузнеца), политические (электоральные циклы в 4-6 лет и др.), военные (циклы Гольдштейна в 40-50 лет). Известны циклы эволюции в отдельных странах (циклы внутренней и внешней политики США, реформ и контрреформ в России). Наблюдаются циклы европейской истории, основанные на колебаниях интеграции и дезинтеграции. Существуют длинные волны глобализации (1750-1810-е гг., 1870-1914 гг., 1970-2050-е гг.). Это и многое другое уже в той или иной степени наработано в прогностической литературе.

Для В.И. Пантина и В.В. Лапкина особенно важны кондратьевские циклы – колебания экономической динамики нового и новейшего времени, обнаруженные нашим замечательным соотечественником, безвременно погибшим Н.Д. Кондратьевым. Вместе с тем авторы преобразовывают кондратьевские циклы в более сложную модель. Два кондратьевских цикла соединяются ими в 4 последовательные фазы: технологический переворот (соответствующий повышательной волне первого кондратьевского цикла) – фаза «великих потрясений» (понижательная волна этого кондратьевского цикла) – революция мирового рынка (повышательная волна следующего кондратьевского цикла) – структурный кризис (понижательная волна этого кондратьевского цикла). Исходя из этой конструкции авторы дают нам свое членение мировой динамики XVIII – первой половины XXI вв. (с. 255).

На основе такой комплексной модели В.И. Пантин и В.В. Лапкин осуществляют общий прогноз мирового развития в первой половине XXI века. Авторы оговаривают, что этот прогноз, естественно, носит вероятностный характер.

Тем не менее, их предположения на ближайшее и среднесрочное будущее выглядят вполне правдоподобными и заставляют задуматься. Согласно раскладам авторов, в предстоящее десятилетие 2015-2025 гг. завершается фаза «великих потрясений» и начинается «революция мирового рынка», что чревато ростом конфликтов и возникновением критических точек в 2015, 2017, 2021 и 2025 годах. 2015 г. (третий эволюционный цикл) выступает аналогом 1940-41 гг. во втором эволюционном цикле и периода 1841-43 гг. в первом эволюционном цикле. С учетом этого авторы предполагают новое обострение ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Кавказском регионе и особенно на Украине (книга писалась до антиконституционного переворота в Киеве), что приведет к резкому обострению конфронтации между Западом и Россией (с. 392-393). Сегодня мы видим, что возникновение так называемого Исламского государства в Сирии и Ираке, война на Украине, западные санкции против России и пр. подтверждают этот прогноз.

В 2017 и 2021 гг., считают В.И. Пантин и В.В. Лапкин, опять-таки сопоставляя эти даты с симметричными вехами предшествующих циклов, последуют новые пики напряженности, включая экономический кризис 2017-2018 гг., ослабление позиции доллара в мировой финансовой системе и дальнейшие социальные и военно-политические конфликты. «Именно около 2021 г. международная ситуация станет наиболее опасной и будет балансировать на грани очередной масштабной войны» (с. 394). Серьезные внутренние социально-политические конфликты подстерегают и Россию. Они могут привести к ее распаду, но могут послужить и стимулом для

перелома неблагоприятной динамики и «всесторонней модернизации». Все же, по мнению авторов, «Россия до 2025 г., несмотря на крупные конфликты и потрясения, скорее всего, не распадется, и глобальной войны, по-видимому, не будет» (с. 411). Мне лично такое видение предстоящего десятилетия представляется достаточно взвешенным и правдоподобным.

Переходя к прогнозу на период 2025-2050 гг., авторы опять-таки оговаривают, что он неизбежно будет содержать определенную долю приблизительности, поскольку при долгосрочном прогнозировании мы можем видеть лишь некоторые важные общие тенденции, но не «все богатство конкретики, живую ткань происходящего» (с. 412). Все же, прибегая к аналогиям с соответствующими отрезками времени в предшествующих эволюционных циклах, В.И. Пантин и В.В. Лапкин ожидают:

- новый мировой кризис в 2025-2027 гг.;
- в 2033-2041 гг. – превращение ЕС из «не-имперского» в «неоимперское» образование под эгидой США;
- постепенный переход к доминированию в мире стран Востока, прежде всего Китая и Индии.

Основная идея авторов применительно ко второй четверти XXI в. состоит в том, что на данный период придется завершение индустриальной эпохи и окончательный переход к эпохе постиндустриальной, «информационной». Этот переход затронет все регионы мира, вызовет глубокие трансформации, неоднозначные реакции и, разумеется, конфликты, которые в той или иной форме будут продолжаться и во второй половине XXI в.

Эти геоэкономические и геополитические сдвиги не только затронут Россию и постсоветское пространство, но и примут здесь особо драматический характер. Если, по ощущению авторов, до 2025 г. Россия «скорее всего, не распадется», то для второй четверти нынешнего столетия у них такой уверенности нет. Приведем, в силу ее значимости, большую цитату на этот счет. «...Помимо внешнего давления и многочисленных, все более острых внутренних проблем, России ... предстоит столкнуться с крупнейшим переломом во всей ее истории. Сможет ли Россия выдержать такой перелом без окончательного разрушения российской цивилизации, это большой вопрос. В том виде, в каком пока что пребывают российское государство, российская «элита» и российское общество (всепроникающая коррупция, деградация всех сфер общественной жизни в результате так называемых «реформ» промышленности, сельского хозяйства, образования, науки, здравоохранения и т.п.), пережить переломную ситуацию около 2025 г. они вряд ли смогут. Проблема состоит в том, что нельзя бездумно ломать все, что накопила российская цивилизация за многие века своего развития (включая и достижения советской эпохи), как это делают под нажимом западных стран стоящие у власти либеральные технократы или коррумпированные чиновники, но нельзя и консервировать существующее... Решить эту проблему очень трудно сейчас, еще труднее ее будет решать около 2025 г., особенно если не готовиться к предстоящим внутренним и внешним вызовам, к эффективному ответу на них. То же самое относится и ко многим другим постсоветским государствам» (с. 415). Не знаю, ознакомятся ли «наверху» с этим пассажем (и всей книгой В.И. Пантина и В.В. Лапкина), но нам, российским людям, в том числе и тем, кто сегодня успокоенно аплодирует очередным отчетам об успехах и обещаниям «партии и правительства», точно необходимо задуматься о будущих испытаниях и готовиться к ним.

Вот такой «экономоцентризм» в ряде случаев имеет место в книге Б.Ю. Кагарлицкого и В.Н. Сергеева. Не случайно в работе немало ссылок на М.Н.

Покровского. Последний, безусловно, незаурядная фигура, ученик В.О. Ключевского, незаслуженно ошельмованный в 30-е годы. Но он принадлежал к той эпохе, когда эйфория «экономического материализма» или «экономоцентризма» охватила многих марксистских ученых-обществоведов. Он и сам прямо определял свои взгляды как «экономизм». Для него обнаружение направляющих экономических мотивов деятельности тех или иных исторических личностей или групп или соотнесение их с экономическими факторами было нормой, общим правилом. Опричники – это «представители торгового капитала и среднего помещичьего землевладельца»; восстание Степана Разина было «непосредственно связано с развитием торгового капитала»; раскольники стали «жертвами растущей торговой буржуазии и тесно связанного с нею помещичьего класса» и т.д.²⁹³ Его «Очерк истории русской культуры» содержит лишь два раздела: «Экономический строй» и «Государственный строй». Эти сферы, по его мнению, и есть культура.²⁹⁴

Примеров подобного «экономоцентризма» в книге Б.Ю. Кагарлицкого и В.Н. Сергеева немало, причем нередко с прямыми ссылками на М.Н. Покровского.

Конечно, в столь сложной проблематике, которую разрабатывают авторы, неизбежны какие-то просчеты или моменты, вызывающие сомнения. Мое основное замечание состоит в том, что у авторов недостаточно ясен механизм действия эволюционных циклов (технологический переворот – великие потрясения – революция мирового рынка – структурный кризис), т.е. связь их, причины перехода от одной фазы к другой. В результате соотносимые с ними исторические сроки и даты порой вызывают вопросы. Скажем, не совсем ясно, почему (и всегда ли) технологическая революция вызывает потрясения в национальном и мировом масштабе, а трансформация мирового рынка упирается в структурный кризис. Существует ли прямая или какая-либо отчетливая связь между технологической революцией в одной стране, в одном регионе и политическими и военными катаклизмами в другой стране, в другом регионе?

Короче говоря, совмещение тех или иных процессов «по схеме», стремление заключить их в определенные и точные даты приводит иногда к натяжкам. Это особенно заметно при попытке выделения 36-летних циклов автохтонного социально-политического развития России (глава 6).

Видимо уточнение модели прогнозирования, разрабатываемой авторами, должно исходить из понимания того, что механизмы цикличности по-разному проявляются в различных сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре, науке), обладают в этих сферах относительной внутренней самостоятельностью. Иначе говоря, хозяйственные, политические, культурные и прочие циклы связаны между собой таким образом, что одно не столько вытекает из другого и следует за ним, сколько как бы *накладываются* друг на друга. Собственно, В.И. Пантин и В.В. Лапкин фактически идут по этому пути, в ряде случаев стремясь определить имманентную циклическую динамику в экономике, политике, международных делах. И такое уточнение повысит плодотворность их концепции.

В.Г. Хорос

²⁹³ М.Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1932, с. 44, 60, 67 и др.

²⁹⁴ М.Н. Покровский. Очерк истории русской культуры. М.: Либроком, 2009.